

УДК 316

DOI: 10.34670/AR.2021.92.96.005

Принцип неисчерпаемости бытия в экзистенциальной онтологии ритмологии

Шкарин Дмитрий Леонидович

Методолог,
Центр развития тренинговых технологий,
620142, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Большакова, 61;
e-mail: shkarindmit@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируется специфика экзистенциальной онтологии ритмологии на примере отношения к вопросу конечности человеческого бытия. В результате анализа проясняется статус принципа неисчерпаемости в отношении сферы человеческой экзистенции. Автор отмечает, что установочное ограничение принципа неисчерпаемости в пользу объектного бесконечного универсума при нивелировании сферы субъектности является источником кризисных мировоззрений, которые при ослаблении традиционных картин мира порождают смысловые деформации восприятия жизни и смерти. Подчеркивается, что трагическое понимание конечности как бытия-к-смерти не является единственно возможным ответом на секуляризацию современности. Демонстрируются психотерапевтические и социальные эффекты, связанные с актуализацией принципа неисчерпаемости бытия в отношении современного человека.

Для цитирования в научных исследованиях

Шкарин Д.Л. Принцип неисчерпаемости бытия в экзистенциальной онтологии ритмологии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 4А. С. 135-141. DOI: 10.34670/AR.2021.92.96.005

Ключевые слова

Экзистенциальная онтология, психотерапия, интегральная психология, ритмология, ритмомеры.

Введение

Категория конечности в отношении человеческого бытия предстает в качестве смертности, являющейся той универсалией, вокруг которой структурируется все многообразие экзистенциальных онтологий. При этом, поскольку непосредственное постижение собственной конечности требует разрыва человеческого сознания с самим собой, любой рационалистичный дискурс о смерти неизбежно приобретает абстрактно-спекулятивный характер. Кроме того, простой фактичности смерти, наполняющей жизненный мир каждого человека, сопутствует обширное поле традиционных содержаний, транслируемых в процессах социального воспроизводства с различной степенью осознанности и формализации. Таким образом, безусловной онтологической значимости смерти противостоит крайняя противоречивость ее рефлексивного освоения.

Уже один только этот указанный момент определяет актуальность анализа системного инструментария, позволяющего структурировать экзистенциальный опыт принятия и восприятия факта смерти. Образец подобного подхода мы находим среди разнообразных тематических практик в рамках Ритмометода 7P0, разрабатываемого Е.Д. Лучезарновой. В общих чертах Ритмометод 7P0 является проектом практической реализации новой экзистенциальной онтологии, именуемой ритмологией, основанием которой служит категория субстанционального времени. Одним из системных инструментов метода выступают ритмомеры. Комплексный характер ритмомер проявляется в тематическом охвате широкого круга экзистенциальных задач, решаемых человеком при прохождении своего жизненного пути. Каждому тематическому блоку соответствует набор процедур, позволяющих в теории и на практике проработать конкретное содержание обозначенной темы. Опыту переживания факта смерти, своей и близких, посвящена ритмомера под названием «Достижение бессмертия». На ее примере мы разберем особенности экзистенциальной онтологии ритмологии и ее психотерапевтическую социальную значимость в отношении конечности человеческого существования.

Основная часть

Для начала определим специфику употребления в данной статье термина «экзистенциальная онтология». Распространен вариант использования этого термина в качестве синонимического обозначения проекта фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. В то же время понятие экзистенциальной онтологии приложимо к широкому спектру подходов на стыках философии жизни, феноменологии, экзистенциализма, религиозной философии и даже марксизма [Кондрашов, 2019]. В расширенном варианте прочтения понятие «экзистенциальная онтология» составляет обобщенную альтернативу всем тем позитивистским онтологиям, которые нивелируют опыт жизненного существования в попытках мыслить бытие вне человеческой духовной перспективы. Тем самым речь идет не о формальном противопоставлении описаний мира на основе дуальности субъекта и объекта, материи и сознания, природы и общества, а, напротив, о разработке целостного мировоззрения, ориентированного на всю полноту жизненного опыта.

Из этого следует, что экзистенциальные онтологии могут разительно различаться между собой способами концептуализации и широтой охвата жизненного опыта, но их общей особенностью является способность ориентировать человека при выстраивании им целостной

траектории своего жизненного пути. Сила подобных онтологий заключается не только и не столько в их познавательной ценности, сколько в предоставлении человеку возможности осуществить осознанный выбор и реализовать необходимую в наличных условиях стратегию действия. Наиболее полно это проявляется и проверяется в критических обстоятельствах, в значимых экзистенциальных ситуациях.

Смерть представляет собой предельную ситуацию окончания человеческого существования. Она сопряжена с рядом неразрешимых для мышления трудностей. К примеру, парадоксальность предельного перехода в случае смерти представлена в популярных ироничных формах, таких как «*дожить до смерти*» и «*никто не выйдет отсюда живым*». Автоматизм словесного мышления навязывает логику продолжения процесса, но упирается в тупиковость пространственно-ориентированных вопросов: «*Дожил, а дальше что?*» и «*Куда не выйдет?*». Эта дискурсивная неразрешимость отчетливо считывается в традиционных ответах: «*ничего*» и «*никуда*». При этом хрестоматийные шутки о незадавшейся неделе для человека, отправляемого в понедельник на казнь, как и напоминание Воланда о внезапности смерти, обыгрывают предельную временную определенность и одновременно абсолютную несвоевременность смерти при любых обстоятельствах, тем самым подчеркивая исключительное значение в ней фактора времени как такого.

Поскольку основу онтологии ритмологии составляет именно субстанциональность времени, то и смерть в ритмомере «Достижение бессмертия» трактуется как сбор отмеренного времени: «Само слово "смерть" подразумевает "мера": мера времени, которая отпущена какому-то существу».

Тем самым парадокс конечности предельного перехода решается в пользу времени как сброс или освобождение пространства. Соответственно, разнообразные нарушения меры времени неизбежно ведут к определенным деформациям смерти: неполная смерть духа обрекает его на доживание в призрачной форме, неполная смерть тела обрекает его на доживание в животной форме и множество иных вариантов. На этом же принципе строится базовая метафора жизни как двух взаимобратных процессов расходования времени и накопления пространства. Смерть лишь свидетельствует об абсолютном доминировании первого процесса над любыми формами разворачивания проявленного мира.

Обратим внимание, что Ж. Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» в свете зеркально подобной метафоры описывает ключевую характеристику общества, пребывающего в состоянии гиперреальности [Бодрийяр, 2000]. В общем виде жизнь современного человека предстает как бесконечное дожитие в процессе накопления всевозможных ресурсов вследствие полной изоляции смерти от жизни. Смерть же в свою очередь напоминает о себе с помощью времени в различных вариациях деформации жизни, таких как недожитие (несчастные случаи, насильственная смерть и суицид), пережитие (старость и «третий возраст») и послежитие (фантазмы посмертного существования или псевдосуществование).

И, если в постмодернистских описаниях данная метафора является заостренным художественным средством социальной критики, то в ритмологической картине мира она является отражением глубоко онтологических представлений о законах работы субстанционального времени в структуре человеческого бытия. Это и интересно. Говорить о естественнонаучной ценности подобных представлений нецелесообразно ввиду проблематичности применения каких-либо критериев достоверности к предмету принципиально недостижимого опыта, о чем уже упоминалось в самом начале статьи. Использование же формально-логических критериев даже в виде модальных категорий

возможного-невозможного вряд ли каким-либо образом способно опровергнуть или подкрепить онтологические представления о мире, поскольку любой априорный вывод о потенциале невероятности и ограничениях неисчерпаемости уже опирается на определенные онтологические представления. Вместе с тем давно подмечено, что неразрешимости, ослабляющие позитивистские онтологии, играют в пользу экзистенциальных онтологий. Именно способность ориентировать разум в ситуациях потери любой опоры и определяет их значение для человека в осуществлении им своего жизненного пути.

После определения базовой метафоры смерти как освобождения пространства в пользу времени необходимо конкретизировать, кто или что умирает. На этот вопрос ритмология отвечает структурно.

Во-первых, уточняется, *что* не умирает в процессе смерти. Не умирает суть человека, так как она принадлежит вечности, отсюда и название ритмомеры «Достижение бессмертия». В данной статье мы можем интерпретировать понятие сути только в рамках текстов Е.Д. Лучезарновой, поскольку было бы неправомерно подменять его аналогами, относящими к иным онтологиям. Очевидно, что это не дух и не душа религиозных мировоззрений, будь то языческий анимизм или развитые формы политеизма и монотеизма, не интеллект и не личность атеистических мировоззрений. Суть в ритмологии трактуется как принцип имманентного присутствия, которое не может возникнуть или исчезнуть, поскольку оно просто есть. Другое дело, что осознание сути требует усилий и определенного искусства, так как в процессе жизни суть затмевают привычки идентифицировать себя с телесными и социальными проявлениями, телом и именем, что в повседневной жизни интегрируется и переживается в обобщенной форме как личность, эго, индивидуальное Я.

Во-вторых, возвращаясь к вопросу о субъекте смерти, как бы ни были прочны идентификации с телом и именем, они подлежат неизбежному рассеиванию, являясь всего лишь преходящими энергетическими и информационными процессами проявленного мира. В этом плане в ритмомере «Достижение бессмертия» осуществляется парадоксальная инверсия. Критерием полной смерти становится полноценная жизнь, в то время как страх смерти превращается в симптом уклонения человека от реализации собственных жизненных задач. Если же индивидуальное эго или личность из самоцели превращаются в средство раскрытия сути, то и жизнь обретает свое истинное значение.

Таким образом, ритмомера «Достижение бессмертия» ставит вопрос смерти и решает его способом, отличным как от личностного воскресения или бессмертия души в русле религиозных традиций, так и от растворения в ничто, характерного для нигилизма и трагического гуманизма материалистических мировоззрений. В этой связи было бы интересно соотнести принципы экзистенциальной онтологии ритмологии именно с трагическим гуманизмом как доминирующей мировоззренческой позицией современного общества, фактически уже окончательно разорвавшего с традицией через убийство бога. Нисколько не ущемляя традицию и признавая огромное идеологическое значение традиционных культов в жизни современного общества, можно констатировать, что сами практики жизнедеятельности сегодня красноречиво говорят о молчаливом признании ничтожности смерти в попытках стяжать посюстороннее бессмертие либо трансгуманистическими проектами бесконечного растягивания сроков жизни, либо жертвенным послужением памятью человеческого рода.

На наш взгляд, трагическая доминанта, звучащая в нововременном осмыслении конечности бытия, во многом обусловлена нарастающим разрывом между признанием неисчерпаемости объективного мира в его естественнонаучном прочтении и принципиальным замыканием

субъекта во все более сужающихся границах идентичности. Например, образец глубоко разработанной онтологии, построенной на принципах неисчерпаемости и бесконечности универсума, можно найти в работах В.Н. Финогентова, но при этом возможности неисчерпаемого универсума остаются на стороне объекта [Финогентов, 2000]. Отдельное же бытие как фрагмент исключено из игры в пользу иных фрагментов, что имплицитно и предполагает исчерпаемость и даже исчерпанность самой сути, если пользоваться ритмологической терминологией. Поэтому трагический гуманизм, вытекающий из подобных онтологий, является не столько трагическим следствием законов бытия, сколько априорной трагической предустановкой на смертность как полусмерть. В то же время, как отмечает и сам Финогентов, современный нигилизм вырастает из тех же корней. Ничто не мешает вместо трагического гуманизма запустить процесс нигилистической дегуманизации вплоть до полного слияния с телесной организацией и психофизиологическими процессами на одной стороне и виртуализацией личности вплоть до слияния с аватаром и растворения в идентификационном коде – на другой.

Оптика восприятия имманентного присутствия как сути, о чем уже говорилось, не дается автоматически, и в текстах Е.Д. Лучезарновой этот процесс представлен во всей его сложности и многогранности. Между тем именно перенос принципа неисчерпаемости в сферу экзистенции является полноценным размыканием бытия, тем более что нет никаких онтологических оснований для ограничения ее возможностей.

Заключение

В завершение мы покажем, какие психотерапевтические и социальные следствия вытекают из представленной онтологии относительно проблематики конечности бытия.

Во-первых, приоритет раскрытия сути и реализации жизненных задач формирует внутренне обоснованный этический запрет на насильственное прерывание жизни в любых его формах: самоубийства, эвтаназии, абортов и смертной казни. Действительно, обоснование недопустимости, к примеру, того же суицида через внешнюю инстанцию абсурдно само по себе. Другое дело, если противоречивость самоубийства становится самоочевидна и проживается изнутри как нелепость, подобно решению идти назад вследствие усталости идти вперед. Иными словами, в свете этой онтологии раскол целостности не лечится расколом целостности, а завершение непрерывного суицида состоит в его остановке.

Во-вторых, в ином свете предстают и синдромы острого горя, посттравматические стрессовые расстройства в результате потери значимого другого. Ритмологическая практика демонстрирует, что переключение внимание с циклических переживаний на анализ и обучение стратегиям перехода границ способно наделить глубинным смыслом даже крайне отторгаемое содержание.

В-третьих, экзистенциальная онтология ритмологии формирует прежде всего установку на жизнь не под знаком конечности, а под знаком завершенности и открытости новому опыту в любой возрастной категории и в каждой фазе жизненного пути. Мера времени как таковая выравнивает отклонения траектории, деформирующие целостность человека, поскольку постигаемая суть в данной онтологии и является центрирующим средоточием жизненного пути. Это в корне отличается от надления бытия-к-смерти трагическим смыслом, что нередко присуще пафосу экзистенциальных концепций, полемизируя с которыми С.Л. Рубинштейн произнес в «Человеке и мире» свою известную формулу: «жизнь есть нечто, что должно не только окончиться, но и завершиться, получить в моей жизни свое завершение».

Библиография

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть (1976). М.: Добросвет, 2000. 387 с.
2. Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. 280 с.
3. Кармин А.С. Познание бесконечного. М.: Мысль, 1981. 229 с.
4. Кондрашов П.Н. Философия Карла Маркса: экзистенциально-антропологические аспекты. М.: URSS, 2019. 216 с.
5. Марченко Е.Д. Апофеоз или лучезарность обретения. СПб.: РАДАТС, 2010. 320 с.
6. Марченко Е.Д. Ритмомеры. Книга 2. СПб.: РАДАТС, 2003. 224 с.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. 606 с.
8. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.
9. Финогентов В.Н. «...И ропщет мыслящий тростник» (О бессмысленности и смысле жизни человека. О временном и вечном в бытии человека. О свободе и несвободе человека). Уфа: Уфимский технологический ин-т сервиса, 2000. 182 с.
10. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: НЛО, 2010. 392 с.

The principle of the inexhaustibility of being in the existential ontology of rhythmology

Dmitrii L. Shkarin

Methodologist,
Center for the Development of Training Technologies,
620142, 31 Bol'shakova st., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: shkarindmit@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the specificity of the existential ontology of rhythmology on the example of the attitude to the issue of the finiteness of human existence. The category of finitude in relation to human existence appears as mortality, which is the universal around which the whole variety of existential ontologies is structured. As a result of the analysis, the status of the principle of inexhaustibility in relation to the sphere of human existence is clarified. The author notes that the attitudinal limitation of the principle of inexhaustibility in favor of an object infinite universe when leveling the sphere of subjectivity is a source of crisis worldviews, which, when traditional pictures of the world weaken, generate semantic deformations of the perception of life and death. It is emphasized that the tragic understanding of finitude as being-to-death is not the only possible response to the secularization of modernity. The psychotherapeutic and social effects associated with the actualization of the principle of the inexhaustibility of being in relation to a modern person are demonstrated.

For citation

Shkarin D.L. (2021) Printsip neischerpaemosti bytiya v ekzistentsial'noi ontologii ritmologii [The principle of the inexhaustibility of being in the existential ontology of rhythmology]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 10 (4A), pp. 135-141. DOI: 10.34670/AR.2021.92.96.005

Keywords

Existential ontology, psychotherapy, integral psychology, rhythmology, rhythmometers.

References

1. Bodriyar Zh. (2000) *Simvolicheski obmen i smert' (1976)* [Symbolic exchange and death (1976)]. Moscow: Dobrosvet Publ.
2. Finogentov V.N. (2000) "*...I ropshchet myslyashchii trostnik*" (*O bessmyslennosti i smysle zhizni cheloveka. O vremennom i vechnom v bytii cheloveka. O svobode i nesvobode cheloveka*) ["...And the thinking reed murmurs" (On the meaninglessness and meaning of human life. On the temporal and eternal in human existence. On the freedom and lack of freedom of man)]. Ufa: Ufa Technological Service Institute.
3. Karmin A.S. (1981) *Poznanie beskonechnogo* [Knowledge of the infinite]. Moscow: Mysl' Publ.
4. Kondrashov P.N. (2019) *Filosofiya Karla Marksa: ekzistentsial'no-antropologicheskie aspekty* [The philosophy of Karl Marx: existential and anthropological aspects]. Moscow: URSS Publ.
5. Marchenko E.D. (2003) *Ritmometry* [Rhythmometers]. Kniga 2. Saint Petersburg: RADATS Publ.
6. Marchenko E.D. (2010) *Apofeoz ili luchezaornost' obreteniya* [Apotheosis or radiance of finding]. Saint Petersburg: RADATS Publ.
7. Merlo-Ponti M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of perception]. Saint Petersburg: Yuventa, Nauka Publ.
8. Rubinshtein S.L. (1973) *Problemy obshchei psikhologii* [Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika Publ.
9. Sheffer Zh.-M. (2010) *Konets chelovecheskoi isklyuchitel'nosti* [The end of human exclusivity]. Moscow: NLO Publ.
10. Vul'f K. (2008) *Antropologiya: Istoriya, kul'tura, filosofiya* [Anthropology: History, Culture, and Philosophy]. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University.